

КАК ВСЕГДА, было жарко и душновато. Только что злос пунцовое солнце ушло за горизонт, и, словно кто-то невидимый щелкнул гигантским выключателем, небо вдруг стало угольно-черным, а где-то там, в немыслимой выси, замерцали, будто кристаллы льда, недостижимые крупные звезды, и улелся на синю неправдоподобный желтый месяц, похожий на высушенную корочку апельсина.

Стремительно взбежавшая на стене нашей комнаты большая зеленая лирическая вдруг замерла и, свесив свою изгибную голову, начала внимательно нас разглядывать своими бархатными глазками. С улицы доносился жесткий шорох пальмовых листьев, которые лениво подвевали теплый влажный ветерок. Вдоль аллея старого сада зажигались разноцветные электрические лампы — это восстанавливалась старая традиция города, жители которого в былые времена любили придавать ему праздничный, карнавалыный вид. Все было ново и удивительно для нас в этом дальнем тропическом краю.

В дверь постучали, и на пороге возникла молодая круглолицая, заредевшая женщина с аккуратно причесанными черными волосами. Это была наша переводчица Уч Хем Тана.

— Добрый вечер, дорогие товарищи, — сказала она, старательно и четко, как на школьном уроке, выговаривая полубезымянные русские

ВЕЧЕР В ГОРОДСКОМ ТЕАТРЕ ПНОМПЕНЯ

слова: ведь целых четыре года их нельзя было пропустить под страхом мучительной смерти. — Понимаете ли, сегодня у нас для вашей делегации приготовлен сюрприз — вас приглашают в городской театр на вечер балета...

Мы переглянулись — известие, преподнесенное нам Тапой, было действительно большим сюрпризом: кто мог подумать, что в Пномпене, столице страны, только навчавшей приходить в себя после долгого кровавого кошмара, уже работает театр и даже ставятся балеты!

Внизу, у подъезда Дома гостей, в котором мы жили, уже фыркали автомобили. Мы не заставили себя ожидать, и тут же помчались по уже освещенным, хотя пока еще слабовато, электрическими фонарями улицам, которые жили своей вечерней жизнью — почти на каждом углу при колеблющемся свете крохотных керосиновых лампочек торговки продавали овощи, бананы, рыбу, лангустов, бутылочки кока-колы, папирсы. Денег пока еще в стране нет, поэтому в ходу довольно сложные денежные операции — монетным этилоном служат баночки риса, и торговля идет бойко. Тут же на кострах варят и жарят пищу, и люди, сидящие вокруг огня, поджарив под себя ноги,

терпеливо ждут, пока будет готов ужин.

Чудом уцелевший в годы полнотовского разбоя городской театр, вполне современное здание, сооруженное в шестидесятые годы, сиял огнями. Огромный зрительный зал был битком набит — поскольку деньги пока не существуют, вход в театр бесплатный, и если в былые времена посещение спектаклей было привилегией знати, то сейчас сюда идут рабочий, солдат, домохозяйка... Особенно много детей. Играл оркестр. Было шумно и весело.

Но вот погас свет, и началось представление. Вначале на сцену высыпали денуны и претамы, одетые в розовые и желтые кофточки и красные шаровары, и шары в алых камзолах с атласными розовыми поясами на головах. Рослые знаменосцы высоко подняли два флага — Советского Союза и Кампучии, и началась — как положено — сценная часть. Сидевший рядом с нами генеральный секретарь ЦК Единого фронта национально-освободительного спасения и председатель Общества друзей Кампучии в СССР Нос Пор — приветственный танец в честь делегации Советского комитета защиты мира. В зале загудели бурные аплодисменты.

Затем началось представление. Оно развивалось в быстром темпе — один танец

сменял другой: простые, но сделанные с большим изяществом и выдумкой декорации ставились молниеносно; неотомимые балерины и танцовщики, словно стайки птиц, легко выпарывали из-за кулис и с необычайным подъемом, и, мы сказали бы, с жадностью к своему искусству исполняли сложнейшие танцы.

Программа была необыкновенно богатой и сложной. Артисты разыгрывали древние мифологические сюжеты, выполняя танцы в тысячекратно усложненной манере, немного напоминающей индийский балет, когда каждый поворот головы, каждый жест, даже каждое движение пальца символизирует состояние души изображаемого героя.

И тут же, вслед за этим, сценой преобразилась в деревенскую площадь, на которой кипел какой-то праздник: исполнялись то веселые и задорные, то грустные и даже печальные народные танцы, отображающие саму жизнь. Здесь же и контреры, и музыканты, и певцы — все сливается в единое красочное представление.

— Как нам удалось так быстро все это создать? — спросили мы у Нос Пора.

— Наш народ не может жить без танцев и песен, как птица не может жить без полета, — ответил он, улыба-

ясь. — И одной из самых страшных горестей, которые мы пережили под игом Пол Пота, было то, что нас лишили общения с искусством. Да, кстати, знаете ли вы, что когда мы организовали заочный суд над Пол Потом, который приговорил его к смерти, то председателем трибунала был наш министр культуры? Ну так вот, одной из первоочередных задач, которые мы поставили перед собой, придя к власти, было восстановление театра.

Он помолчал и добавил:

— Вы понимаете, конечно, как это было трудно: ведь большинство артистов, поэтов, художников полнотовцы истребили. Выжили немногие, например, бывшая балерина королевского балета Косони. Помните, она встречала нас на аэродроме; теперь Косони член ЦК Единого фронта национально-освободительного спасения, вы увидите ее сегодня на сцене, она будет танцевать в конце спектакля. Неполная балетную труппу за счет самостоятельности — в народе талантов не счесть! Всего в труппе сейчас 250 человек. Очень трудно было с костюмами: их полнотовцы уничтожили. Наш балет всегда отличался пышностью нарядов, где теперь достать здесь парчу? Помогли нам лаосские и вьетнамские друзья...

На сцене танцы непрерывно сменяли друг друга — то илавиные, церемонные пантомимы, навеянные тысячелетней стариной, воспроизводящие религиозные мистерии, а то искрометные, веселые пляски, придуманные народом в часы досуга. Вот воинственный, бурный танец воинов в честь победы над врагом: вот танец юности и девушки, изображающий объяснение в любви; вот пляска в честь богатого урожая. И вдруг совершенно необычный в этой древней азиатской стране лихой, озорной испанский танец с кастаньетами и каблучной дробью. Откуда это?

— Понимаете ли, это мои ученики, — шепчет, зардевшись, сидевшая у нас за спиной наша переводчица Уч Хем Тана. — Я учила их тому, что сама узнала в Москве.

Мы знали, что Тана училась в хореографическом училище при Большом театре, — отсюда у нее и русский язык. Но в суете первых дней путешествия как-то не успели расспросить ее о том, как же сложилась ее жизнь по возвращении в Пномпень и что случилось с нею в годы полнотовского ада. А это была большая и волнующая история, и узнали мы о ней в этот вечер...

Представление уже шло к

концу, был объявлен ключевой номер спектакля «Слезы и кровь», резко отличавшийся по характеру, и по содержанию от всей программы этого вечера. Трагично и тяжело загремел оркестр, он возмещал наступление страшной и неизбежной беды. В красноватых отсветах прожекторов предстала перед зрителями столь памятная им страшная картина полнотовского лагеря, в котором мучили и уничтожали не в чем не повинных людей.

В зале установилась напряженная тишина. Мы видели, как волновались зрители, запово оцепеневшие пережитую почти каждым из них беду. Да и сами танцовщицы и певцы, заполнявшие сцену, не просто танцевали и пели — нет, каждый из них воспроизводил свое собственное горе. Сгибалась под ударами палок надсмотрщиков, одетых в черную одежду, они копались в земле. Тех, кто падал, не выдержав непосильного труда, полнотовцы тут же добивали ударами заступов. Ребенка, оставшегося без матери, топили в болоте. А выживших заставляли снова и снова бороться за лопаты и копать собственные могилы.

Наступила пауза: надсмотрщики ушли отдыхать, и намоленная женщина, прижавшись к земле, сначала тихо, потом все громче, запела пол-

ную горечью и боли, по звуку к борьбе гневную песню — то был рекем по погибшим и то же время страстный призыв к борьбе. Нас буквально потряс этот напряженный высокий женский голос. Чувствовалось: это уже не театр, не игра, не перевоплощение, будь оно самое некуспое. Нет, это нечто неизмеримо большее — страстный рассказ о пережитом, призыв к борьбе и отмщению. Потом уже, после спектакля, нам рассказали, что эта женщина, чудом выжившая в полнотовском аду, — автор либретто, музыки и хореографии «Слез и крови».

И тут, словно отключаясь, ла ее горячий зов, с земли поднимаются полумертвые люди, хватают за лопаты и палки — единственное их оружие. Все громче и мощнее звучит музыка. Приближаются к барачному повстанцам Кампучии, а с ними их вьетнамские друзья. Тихо мечутся, пытаются остановить эту неукротимую силу зверствовавшие в лагере полнотовцы. Их хватают и обездруживают бойцы народной армии. Палачий ждет возмездие...

Когда умолкла музыка, в зале в течение нескольких томительных минут царил мертвый тишина: люди медленно приходили в себя, как бы отрешаясь от пережито

го: до такой степени потрясло их увиденное вновь. Потом сразу грянул оглушительный гром — давно уже мы не слышали таких пенетных аплодисментов, и снова загремел оркестр.

В этот самый момент мы вдруг услышали заглушенные рыдания. Это горько заплакала наша Тана. «Простите, — говорила она, стиснув слезы. — Простите, я причиняю вам, нашим гостям, неудобство. Но я не могу, не могу. Ведь это так и было...» Мы не пытались ее ни о чем расспрашивать. Надо было дать ей успокоиться и влить себя в руки. Только потом мы вернулись к тому, что случилось в тот вечер в зале городского театра Пномпеня, и она поведала нам одну из тех многих историй, какие произошли в 1975—1979 годах в Кампучии.

Дождь относительно состоятельного железнодорожного служащего Уч Хола, она жила довольно беззаботно, хорошо училась, любила петь и отлично танцевала. И вот ее пристали однажды приезжавший в Пномпень известный советский педагог-хореограф Алексей Жуков. Он сообщил местным властям, что у этой девочки настоящий хореографический талант: кто знает, быть может, если ее пошлют учиться в Москву, кампучийский балет обретет свою звезду.

В Пномпене любили балет, и идея, подканаванная советским специалистом, быстро нашла свое воплощение. В том же 1962 году Тана оказалась в Москве и попала в

опытные руки преподавателя классического балета Ирины Свешниковой, которой эта одиннадцатилетняя ученица припала по душе. Ровесница Таны быстро подружилась с нею.

Шли годы. Изучение хореографии требует огромного труда, дисциплины и даже самопожертвования. Тана Уч, как ее звали в школе Большого театра, а точнее говоря, Уч Хем Тана, очень хотела стать настоящей балериной, балериной с божиной душой, и она послушно выполняла все ваставления своих учителей. Дело подвигалось вперед, Ирина Свешникова была довольна своей воспитанницей.

Когда учеба в балетной школе подошла к концу, Тану послали отдыхать в Сочи. Там она встретила и подружилась со студентом МГУ Вячеславом Малекеем, игравшим в самодельном ансамбле «Мозаика». Это был сын московского шофера. Вернувшись в Москву, они продолжали встречаться. Дружба переросла в глубокое чувство.

Тана познакомилась с родителями Вячеслава, они жили на юго-западе Москвы. Родителям улыбчивая Тана, бойко щебетавшая по-русски, очень понравилась: способная, тактичная, умная девушка с многообещающим будущим. Но она не могла забыть свою Кампучию, ее знали домой постарейшие отец и мать; к тому же Тане не давала покоя не оставшаяся с детства мечта стать балериной своего национального те-

атра. Ведь именно ради этой мечты она проучилась в Москве одиннадцать лет!

И вот в 1973 году, простившись со слезами с Вячеславом и его семьей, Тана уезжала в Пномпень, унося в сумочке адрес этой семьи.

Она начала танцевать на сцене национального театра, и ей быстро пришла слава, ей поручили преподавание классического балета в школе при этом театре. Но в Кампучии уже начались грозные и страшные события. Сначала американские авианавы бомбили ее города и селения, потом стали появляться американской разведки Дон Пол совершил переворот и захватил власть, началась народная война за освобождение страны, и, наконец, когда эта трудная война увенчалась победой, власть вдруг захватил ставленник Пекина Пол Пот, который хладнокровно и жестоко начал истреблять народ, расчистив плацдарм в Юго-Восточной Азии для своих хозяев.

Тана танцевала на сцене, пока еще работал театр. Она была далека от политики, но не могла не видеть, что происходит нечто смертельно страшное и, возможно, непоправимое.

В 1975 году, когда в Пномпень вступили войска Пол Пота, она вместе со всеми приветствовала их как освободителей. Велико же было ее удивление, когда создаты в черных гимнастерках, беря под контроль квартал за кварталом, начали громко отдавать команду:

— Всем немедленно поки-

нуть город! Всем немедленно покинуть город! Будет проведена проверка — мы выложим в уничтожим вражеских шпионов, а вы через три дня вернетесь домой. С собой ничего не брать!

У брата Таны была маленькая автомашинка японского производства — «хонда», радость и гордость семьи, приобретенная на скопленные с большим трудом сбережения. Они вдвоем сели в этот крохотный автомобильчик. Тана захватила с собой лишь самые необходимые дорожные принадлежности и почему-то вложила в сумочку свои атласные балетные туфельки — прощальный подарок московской учительнице; они были ей очень дороги.

А дальше начались события одно страшнее другого. Едва брат и сестра выехали за город, как их остановил военный патруль. Солдаты с мрачными лицами высадили их из машины и приказали дальше идти пешком, отрубили «хонду» на стовик, где уже стояло множество автомобилей, мотоциклов и велосипедов, отобранных у людей, покидавших Пномпень.

Тана и ее брат вошли в бесконечную колонну, которая текла, словно река, по пыльной дороге. Люди не могли понять, что происходит. Одни ругались, другие молились, третьи плакали. Появившиеся с обеих сторон коноводы зло кричали на отстающих, выбивавшихся из сил людей и били их прикладами своих винтовок и палками. «Вы все — американские при-

служники! — орали они. — Поидады вам не будет...»

Шли изгнанные из города долго, несколько суток, без еды и питья. Все чаще люди падали без чувств. Солдаты их добивали и оттащивали на обочины дороги. Тана и ее брат по молодости лет выжили, но с каждым часом идти становилось все труднее. Наконец впереди показалась какая-то болотистая низина. Людей начали разделять на отряды и разгнать по болотам; им было сказано, что теперь они должны стать крестьянами и заниматься сельским хозяйством, а для этого надлежит осесть на болота.

В лагере, куда попали Тана и ее брат, находилось шестое человек. Жили они в палатках из тростника, которые им самим пришлось соорудить. С рассветом их поднимали с сырой земли ударами палок, приказывали вить лопаты и копать землю. Работали до поздней ночи. Кормили какой-то немыслимой баландой. Воду пили из грязного болота. Тех, кто ослабевал, убивали палками.

Обувь Таны быстро развалилась. Ноги распухли и кровоточили. Это было очень мучительно, и она, скрепя сердце, надела свои драгоценные балетные туфельки. Это зрелище позабавило коноводов. Они отпустили грубые шуточки по адресу красавицы в туфельках, неумело орудовавшей своей лопатой в немыслимой грязи. И вдруг вечером к ней, полумертвой от усталости, подошел началь-

ник отряда, детина зверского вида, и сказал:

— Слушай, ты. Таких, как ты, полагаются дунить, вы все предатели. Но у тебя смазливая морда, да ты и сама еще неплоха. Так вот тебе приказ: выходи замуж за своего коноводра. Тогда останешься жива.

Тана уже знала, что полнотовцы по своему усмотрению распределяли красивых девушек между собой. Но мысль о том, что она должна стать сожителем незнакомца, была для нее невыносима, и она закричала: «Нет, ни за что! Я выцарапаю ему глаза!»

— Как знаешь, — усмехнулся начальник. — Но знай, если откажешься, мы через десять дней убьем твоего брата. Рени сама, как тебе быть...

Назавтра к ней опять подошел этот начальник:

— Не передумала? Что ж, твоему брату осталось жить десять дней.

На следующий день он напомнил ей, что брату осталось жить восемь дней, еще на следующий — что брат будет убит через семь дней. Тана металась в отчаянии, она очень любила брата. И когда начальник предупредил ее, что брату остается жить срок восемь часов, она отрезанным голосом сказала, потупив глаза: «Согласна».

Ночью в палат ввалился коноводный...

Десять месяцев спустя у Таны родился сын.

Даже за день до родов ее заставляли работать. Рожала Тана на сырой земле, без помощи врача. Но такой уж был у нее крепкий организм, что она выжила. Выжил чудом и ее сыночек, бронированный вместе с другими детьми, рожденными женщинами в лагере от коноводов, в зашированных бочках, в которых заставляли возобновить работу сразу же после родов, пускали только для того, чтобы кормить младенцев. Время от времени полнотовцы, забавляясь, врывались на болотце и устранивали побоище, разбивая детям череп. Сын Таны, по счастливой случайности, под смертельный удар как-то не попал...

Ну вот, теперь читателю должно быть понятно, почему Тана зарыдала в тот вечер в городском театре Пномпеня. Нам остается добавить немного. Сейчас Тана работа-

ет в Центральном комитете Единого фронта национально-освободительного спасения Кампучии и воспитывает, как мать-одиночка, своего трехлетнего сына. Она никогда не скажет ему, что был его отец. С балетной карьерой все конечно — физические страдания, перенесенные ею в лагере, настолько подорвали ее здоровье, что танцевать ей уже не удастся. Брат ее, Уч Борит, жизнь которого она купила такой страшной ценой, работает в министерстве иностранных дел.

Единственная просьба, с которой Тана обратилась к нам, была такая: не можем ли мы помочь ей найти Вячеслава Малекеева и его родителей, с которыми связаны ее самые светлые воспоминания о такой далекой от Пномпеня Москве? Их адрес она уничтожила тогда в лагере вместе со всеми своими бумагами.

— Мне ничего не надо, — сказала она нам своим тихим мелодичным голосом. — Хотите только, чтобы они узнали, что я еще жива. И мне хотелось бы узнать о том, как сложились их жизни.

Кто знает, может быть, и откликнется на эту просьбу кто-нибудь из москвичей, кто еще помнит веселую и беззаботную воспитанницу балетной школы Большого театра Уч Хем Тану, которую звали тогда попросту Таней?

Ю. ЖУКОВ,
И. ЩЕДРОВ.

ПНОМПЕНЬ — МОСКВА.
● Уч Хем Тана.